

Александрова Е.А.

Религиозная идентичность в современной зарубежной культурной антропологии: основные направления исследований

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-06-10843 «Риски и ресурсы религиозной идентичности в современной России: кросс-культурный анализ»

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются опубликованные в последнее десятилетие зарубежные исследования религии и религиозной идентичности в рамках культурной антропологии. В результате предварительного отбора были выделены наиболее востребованные темы, также были выявлены параллели с российскими разработками в данном вопросе.

Е.А. Александрова

Ключевые слова: религиозная идентичность, межрелигиозная коммуникация, неоязычество, реинтеграция традиции, психология религии, психическое здоровье

Изучение проблемы религии и религиозной идентичности является одним из базовых направлений для культурной антропологии. В решении связанных с данной проблемой вопросов наука шла от общего определения предмета исследования и унификации терминологии к конкретизации поставленных задач.

Приступая к описанию современных исследований в зарубежных антропологических изданиях, рассмотрим основные темы, разрабатываемые в контексте изучения религиозности и религиозной идентичности.

Первый блок исследований посвящён конкретно историческим работам в духе классической антропологии. Многие авторы ставят перед собой задачу включить исследования религиозной идентичности в современный дискурс заботы о психическом здоровье личности. К таким работам относятся, например, монографии, обзоры которых можно найти в одном из ведущих мировых антропологических журналов «Американский антрополог». Монография Анны Аплтон «Интеграция и выражение веры: смерть и ритуал в онтологии народа Меланау»¹ посвящается культуре «речного народа» (меланау). В книге рассматриваются проблемы психического здоровья, психопатологии и целительных практик в контексте биомедицины². Автор работает в первую очередь с проблемами психозов в развивающихся странах. Внося заметный вклад в этнографическую науку через описание бытующих у меланау обычаев и их трансформации по сравнению с более ранними данными, Аплтон также старается описать культурную составляющую проявления психического нездоровья на примере стран Азии, продолжая, таким образом, классическую линию в антропологии, когда речь идёт о типах мышления, изменённых состояниях сознания, психическом заражении.

В данном контексте интересна работа Ненси Эберхарт³ «Представляя жизненный путь: навык самотрансформации в буддийской общине шан⁴». Н. Эберхарт затрагивает вопрос не-западного образа мысли и не-западного «Я» (self). Буддийское посвящение также включается в более широкий контекст психического здоровья, и поисков места человека в Космосе. В книге создаётся объёмный образ self («Я»), сплетённый из представлений о мире, вере, из религиозных и целительских

ритуалов. Интересна концепция автора о том, что тело в представлениях народа шан – это не просто биологический организм. Человек существует в неразрывной связи со всеми душами в мире, что достигается через перерождение – учение, являющееся определяющим для буддийского образа мира и религиозности.

В таких работах, как, например, «Социальная идентичность, материальная культура и археология религии (на примере религиозных практик Квакеров)» (автор – сотрудник отдела археологии Университета Калифорнии (Беркли, США) Джон Ченовет⁵), встречается интересное преломление вопроса об «археологии религии», являющегося частью современных российских исследований религиозной идентичности⁶. В данной статье речь идёт о способах продемонстрировать основные черты религиозной идентичности на археологическом материале в свете психологических и антропологических концепций идентичности. В самом начале статьи автор показывает, в диалоге с какими взглядами на природу идентичности он выстраивает свой подход – это представление об идентичности как об изменчивой и подвижной.

Основные характеристики идентичности, по мнению Д. Ченовета:

- множественность (одновременное наличие более чем одной идентичности);
- пересечение идентичностей;
- идентификация как процесс.

Однако с таким определением сложно работать, когда на руках исключительно материальные объекты (а археология может предоставить исследователю лишь вещи). Автор поясняет свою исследовательскую позицию: «Если взять за отправную точку представление об идентичности как о том, что относится к определённой группе людей (на примере общины Квакеров и их религиозной идентичности), мне бы хотелось рассмотреть множественные меняющиеся идентичности в зеркале археологии. Особо хочется подчеркнуть, что, на мой взгляд, изучение конкретных материальных объектов, связанных с текучим и изменчивым феноменом идентичности, может использоваться как доказательство стабильности социальной реальности»⁷.

Это очень плодотворная идея: использовать материальные объекты как камушки, которыми мы прижимаем ткань или пергамент, чтобы их не унесло ветром. Автор рассматривает общину квакеров удобным объектом для подобного сопоставления благодаря особенностям их догматики. Интерес представляет также тот факт, что перед тем, как оказаться в достаточно изолированном положении, учение квакеров очень быстро распространялось, охватывая новые территории и обретая всё большее число последователей. Автор замечает, что базовым постулатом квакеров является положение о том, что Бог находится внутри каждого человека, и для контакта с ним не нужны посредники, а общение с Богом происходит через «внутренний свет». Это, разумеется, делает задачу материального подтверждения религиозной идентичности ещё более сложной. Для того, чтобы доказать свою теорию, автор подробно излагает историю квакеров, выделяет различные этапы формирования идеологии, описывает теории интерпретации полученных данных. Самое трудное для исследователя состоит в том, чтобы соотнести изменчивость идентичности с материальными следами. Автор предлагает сделать это через описание различных действий, которые использовались для создания чувства сплочённости группы (квакеров) и выделения их среди других групп. То есть через обнаружение определённого набора материальных предметов, повсеместно используемых в общинах квакеров в значимых для них событиях, связанных с религиозной идентичностью, можно очертить археологически фиксируемый образ идентичности этой группы.

Идея рассмотреть религиозную идентичность сквозь призму материальных объектов чрезвычайно интересна. В любой религиозной общине можно найти материальные свидетельства её религиозной принадлежности: предметы, архитектурные сооружения, устройство жилища, пищевой рацион. В статье подробно описываются исторические реалии, а также уделяется внимание такому аспекту как теоретическое обоснование связи материальной культуры и идентичности. Было бы полезно посмотреть на данную проблему более подробно. Вероятно, можно составить словарь знаков и символов, характерных для квакерских общин, с учётом не только религиозной, но и этнической принадлежности, но эта задача автором статьи

не ставится. Он лишь отмечает, опираясь на широкий круг исследований, что элементы материальной культуры не являются простым отражением духовной жизни, а могут также рассматриваться в качестве инструментов её создающих. Автор предлагает концепцию, объясняющую, каким образом те или иные предметы начинают ассоциироваться с той или иной группой. Речь идёт не просто о том, что материальный объект может показать разницу между группами, но помочь описать *тип различий*, фиксируемых в материальном образе группы. Такие предметы-маркеры необязательно характерны исключительно для изучаемого сообщества, а *выбраны* для его идентификации. Для квакеров 17 и 18 вв. таким маркером являлся тип захоронения, но в 19 в. этот символ утрачивает своё значение, как для носителей традиции, так и для тех, кто не принадлежит к квакерам.

При всей своей актуальности статья оставляет ощущение незавершённости из-за отсутствия археологических примеров в достаточном объёме. Однако, идея совмещения подвижного и недвижимого в рамках изучения религиозной идентичности достойна дальнейшей разработки. Тем более что метод археологии религии чаще используется для древних бесписьменных культур, нежели для таких условно новых, как протестантские общины в Европе.

Для того чтобы поставить логическую точку в обзоре исследований, рассматривающих проблему религиозной идентичности через материальные объекты, обратимся к статье сотрудника кафедры социологии и антропологии университета Бен Гурион (Израиль) Нир Авиели⁸ «Мы не едим свинину на Рождество также как и Маккавеи⁹. Праздничная пища в Рождество и религиозная идентичность протестантской общины Хойана¹⁰». Исследование выбрано ещё и потому, что касается бытования протестантской общины, но в инокультурном и инорелигиозном окружении. Автор на примере исследования пищевых предпочтений во время одного из главных христианских праздников описывает особенности проявления религиозной идентичности у членов вьетнамской протестантской общины. В результате полевых исследований выяснилось, что во время подготовки к празднованию Рождества большая часть времени и денег в общине уходит именно на подготовку праздничного угощения. Автор предполагает, что пищевой рацион и отношение к пище во время праздника (то есть к сакральной пище) позволяет наблюдать случай двойной маргинальной идентичности: члены хойанской протестантской общины ощущают себя одновременно христианским меньшинством среди окружающего буддийского большинства и протестантским меньшинством среди христиан¹¹. Часто кулинарные и организационные нюансы незаметны для наблюдателей, но, будучи частью идентичности, значимы для участников. Пища как таковая является важнейшим фактором формирования и функционирования персональной, территориальной, религиозной идентичности; пища значима для понимания физиологии, для определения хозяйственно-культурного типа этнической группы. «Например, когда индустры употребляют в пищу вегетарианские блюда, они так выражают свою готовность исполнять обет непричинения вреда живым существам и ценность ненасилия. Когда иудеи или мусульмане хотят удостовериться, что пища, которую они собираются съесть, приготовлена согласно требованиям кошрута или халяля, они каждый раз вновь устанавливают границы принадлежности к определённому религиозному сообществу и подтверждают лояльность требованиям своей веры, религиозным идеалам, ценностям и практикам»¹².

Рождественское угощение визуально следует правилам традиционной вьетнамской трапезы, которую можно описать как «визитную карточку» членства в этнической и социальной группе. Включённый таким образом в традиционную практику рождественский стол становится частью ритуала совместной трапезы. Также в совместных трапезах согласно вьетнамской традиции закреплено уважение к старшим, их ведущая роль в социальной жизни. Во время таких трапез можно заметить, что ведущая роль старших занимает более высокое место, чем ведущая роль мужчины: старшая женщина обладает более высоким социальным статусом, чем мужчина, несмотря на то, что в принципе есть ряд запретов для женщин на употребление пищи в присутствии мужчин. Трапеза занимает центральное место во время обрядов перехода, а также для ритуала освящения нового дома. Набор блюд всегда

сохраняет свою значимость, каждое блюдо символизирует определённые важные аспекты бытования социума, например, единение, символизируемое вкушением риса из чаши). Подробно разбирая роль и состав пищи, ритуалы её употребления, автор делает вывод, что на уровне пищевой семантики для членов изучаемой религиозной общины родовая принадлежность стоит выше, чем религиозная. Однако, на уровне вербальном, люди много говорят об Иисусе, с гордостью демонстрируют различные надписи, например, «Иисус спас нас» на мотоциклетном шлеме. Из бесед с нехристианами автор узнала, что члены протестантской общины много и долго говорят о своей вере с иноверцами, «так, что сложно бывает закончить такой разговор»¹³. Следуя своей гипотезе о двойной маргинальности, автор сначала описывает этнические правила приёма пищи, затем указывает на «христианские» блюда в рационе, и далее на «протестантские». Пища является естественным маркером этнической и территориальной идентичности. Отказ от употребления некоторых традиционных блюд (например, свинины), трактуется как жертва во имя веры.

Таким образом, мы видим, что изучение религиозной идентичности в контексте материальной культуры даёт очень интересные результаты. Религиозная идентичность и религиозное чувство, столь сложные для описания, материализуются в повседневной практике, получают реальное воплощение в предметах.

Немаловажно, что направления исследования в зарубежной антропологии частично совпадают с интересами российских учёных¹⁴. Таковы, например, работы, посвящённые проблемам неоязычества. В статье «Локализуя неоязычество: интеграция глобальных и местных традиций в католической общине Средиземноморья»¹⁵ Катрин Рантри пишет о версии неоязычества, локализованной на острове Мальта. В статье речь идёт об особом варианте неоязычества. Автор отмечает, что данное течение является с одной стороны частью мирового процесса, а с другой стороны, представляет собой реакцию островной культуры на относительную замкнутость. На Мальте до принятия христианства в форме католицизма существовала своя религиозная жизнь. Взаимодействие между местными формами неоязычества и католицизмом, как на уровне ритуала, так и на уровне предметном (имеются в виду мистические свойства, приписываемые некоторым объектам поклонения), показывает глубокую и разностороннюю связь между двумя традициями. Несмотря на очевидную разницу в доктринах и практиках, многие мальтийские неоязычники всё же находят возможность для перехода от одного направления к другому (в данном случае от христианства к неоязычеству), или даже практикуют оба религиозных направления. В отличие от многих других течений неоязычества, как доказывает автор статьи, мальтийские неоязычники не встали на позицию неприятия и отрицания католицизма. Для носителей данной культуры католическая и неоязыческая религиозные идентичности не являются взаимоисключающими. По мнению автора статьи и ещё ряда исследователей¹⁶, это произошло благодаря удачному совмещению традиционных для Мальты верований и католицизма в XIX в. Также мальтийское неоязычество впитало некоторые элементы современного западного (англосаксонского по замечанию автора¹⁷) неоязычества, окрасив религиозную жизнь на Мальте яркими красками разнообразия. Используя богатейшее наследие магических местных верований, мальтийские неоязычники создали религиозную идентичность, ориентированную больше вовне, на мировую неоязыческую традицию. Неоязычество здесь является компенсаторным фактором, ответом на общую неуверенность верующих, а также позволяет преодолеть некоторую замкнутость, характерную для островных культур.

В заключение обзора некоторых современных зарубежных антропологических исследований в области религиозной идентичности хотелось бы обратить внимание на такую особую область, как изучение «религиозности неверующих», которой посвящена статья группы авторов «Отход от религии и лиминальность: обнаруживая неоднородность среди неверующих»¹⁸. В данной работе рассматривается проблема утраты религиозности у современных американцев. Например, по данным исследований выявлено два типа нерелигиозных людей: респонденты, которые ещё за год до опроса утверждали, что причисляют себя к определённой религии или религиозной конфессии, а на момент исследования заявляющие, что не имеют религиозных

предпочтений; а также респонденты, которые на всех стадиях опроса называют себя нерелигиозными. Авторы изучают неверующих как религиозную группу, число членов которой неуклонно увеличивается. Учитывая, что лиминальность – это пороговое состояние, связанное со сменой идентичности и стадий реинтеграции личности, понятно, почему люди, чьё состояние можно описать как лиминальное, показывают большую степень религиозности, чем те, кто уверенно причисляет себя к неверующим, но меньшую, чем люди, причисляющие себя к верующим. Интересно также, что в результате исследования выяснилось, что люди в пороговом состоянии, даже испытывая кризис религиозности, не доходят до стадии секуляризации. Также авторы статьи обращают внимание на недостаточную разработку методологии исследования, обращая внимание на тот факт, что респонденты, относящиеся к изучаемой категории, отвечают о своей религиозной принадлежности во многом в зависимости от формулировки вопроса. То есть мы не можем с уверенностью сказать, имеем ли мы дело с религиозными исканиями, отторжением религии или наблюдаем стадию процесса реинтеграции. Таким образом, мы видим, что на современной ступени развития исследований религиозной идентичности учёным необходимо также заниматься уточнением методов. Междисциплинарность (в данном случае выраженная в сочетании антропологических и социологических методов) с одной стороны помогает обогатить инструментарий, а с другой стороны выявить неточности и наметить пути дальнейшего развития.

Проанализировав некоторые современные зарубежные исследования в области изучения религиозной идентичности, мы видим, что с одной стороны авторы не утрачивают связи с классическими для культурной антропологии направлениями, а с другой – занимаются работой по описанию явлений менее общего порядка. Например, важная для антропологии религии проблема изменённых состояний сознания и психического заражения преломляется в изучении религиозных верований в контексте их влияния на психическое здоровье. Особенно важной для авторов является проблема биомедицины, которая в российской науке данного направления не актуализирована, а скорее является частью теологического дискурса. Вопросам биомедицины посвящаются семинары, ведутся разъяснения в религиозной литературе и прессе¹⁹. Означенный подход к проблеме религии и здоровья косвенно продолжает линию, начатую в трудах Э. Фромма²⁰ и К.Г. Юнга²¹, где религиозные практики дзен рассматривались как психотерапевтические методы.

Интерес представляет также и пересечение тем, разрабатываемых западными и российскими учёными. Например, в той или иной степени затрагивается проблема аскрипции, то есть закрепления за определёнными этническими сообществами конкретных религиозных верований²². Однако, различаются вопросы для анализа. Если для российских учёных на первом месте вопросы образования, просвещения, знакомства с верованиями и религиозными представлениями соседних народов²³, то для западных исследователей актуальной является проблема маргинальности и бытования «нетипичных» верований в социуме.

Общий интерес в зарубежных и российских работах можно также заметить и к вопросам неоязычества. Речь идёт об описании феномена, о классификации направлений. Но в российских исследованиях больше внимания уделяется самому термину и границам его употребления, когда как зарубежные авторы больше заняты конкретизацией проявлений данного феномена. Также в российской литературе неоязычество вписано в контекст разговора о мифологии современного общества и общей мифологизированности сознания²⁴, тогда как западные исследователи в описанных нами работах используют другие интерпретационные модели.

В заключении также следует заметить, что современные зарубежные исследования религиозной идентичности в рамках культурной антропологии тяготеют к сужению предмета рассмотрения и решению вопросов практического, а не теоретического плана. Большинство работ ведётся в междисциплинарном поле, а данные и результаты используются в самых широких сферах: медицине, психологии, региональной политике, межкультурной и межрелигиозной коммуникации. Особое место занимает проблема экологичности, то есть соответствия новых и устоявшихся форм религии естественным потребностям человека. В данном контексте также

интересны вопросы комбинирования различных форм не только религиозных верований, но и философских и психологических концепций для преодоления экзистенциальной неуверенности современного человека.

Библиографический список

1. Жукова, Л.Г. «Любимцы Бога»: к вопросу о самоидентификации русских иудействующих (субботников)» / Л.Г. Жукова // Вестник РГГУ. – 2009. – № 9.
2. Неоязычество на просторах Евразии / Под ред. В.А. Шнилермана. – М.: ББИ, 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fictionbook.ru/static/trials/09/18/60/09186018.html> (дата обращения: 19.08.2015).
3. Першин, Ю.Ю. Археология религии. Предварительные замечания» / Ю.Ю. Першин // Человек в современных философских концепциях: материалы Четвертой международной конференции, г. Волгоград, 28–31 мая 2007 г. В 4 т. Т. 3. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
4. Религии в XXI веке: архаика и современность / Под общ. ред. А.А. Белика. – М.: Калиграф, 2012.
5. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э. Тайлор. – М., 1989.
6. Токарев, С.А. Религии в истории народов мира / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1965.
7. Фромм Э. Психоанализ и Дзен-буддизм / Э. Фромм // Дзен-буддизм и психоанализ. – М.: Медиум, 1995.
8. Юнг, К.Г. предисловие к книге Судзуки Д.Т. Основы Дзен-буддизма / К.Г. Юнг. – Бишкек: МП Одиссей, 1993.
9. Appleton, A.L. Acts of Integration, Expressions of Faith: Madness, Death and Ritual in Melanau. Ontology. Monograph Series no. 9. Phillips: Borneo Research Council, 2006. 361 pp. / A.L. Appleton // American Anthropologist. – 2007. – Vol. 109, No. 3, September.
10. Avieli, N. In Christmas We Don't Like Pork Just Like Maccabees. Festive Food and Religious Identity at the Protestant Christmas Picnic in Hoi An / N. Avieli // Journal of Material Culture. – 2009. – Vol. 14 (2). – P. 219–241 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mcu.sagepub.com> (дата обращения: 10.08.2015).
11. Chenoweth, J.M. Identity, Material Culture and the Archeology of Religion. Quaker Practices Context / J.M. Chenoweth // Journal of Social Archeology. – 2009. – № 9 (3). – P. 319–340.
12. Eberhardt, N. Imagining the Course of Life: Self-Transformation in a Shan Buddhist Community / N. Eberhardt. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2007.
13. Shan Buddhist Community. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. 208 pp. // American Anthropologist, Vol. 109, No. 3, September.
14. Galman, S.C. Un/Covering: Female Religious Converts Learning the problems and Pragmatics of Physical Observance in the Secular World. University of Massachusetts-Amherst / S.C. Galman // Anthropology & Education Quarterly. – 2013. – Vol. 44, Issue 4. – P. 423–441.
15. Lim C. Secular and liminal: discovering heterogeneity among religious nones / C. Lim, C.A. Macgregor, R.D. Putnam // Journal for the Scientific Study of Religion. – 2010. – № 49 (4). – P. 596–618.
16. Rountree, K. Localizing Neo-Paganism: integrating global and indigenous traditions in a Mediterranean Catholic society / K. Rountree // Journal of the Royal Anthropological Institute (N.S.). – 2011. – № 17. – P. 846–872.

---

¹ Appleton A.L. Acts of Integration, Expressions of Faith: Madness, Death and Ritual in Melanau Ontology. Monograph Series no. 9. Phillips: Borneo Research Council, 2006. 361 pp. // American Anthropologist. 2007. Vol. 109. No. 3, September.

² Биомедицина – раздел медицины, занимающийся вопросами нормы и патологии, диагностики, коррекции и лечения патологических состояний. В теоретических построениях данная отрасль науки использует достижения и анализирует разнообразные направления в современных исследованиях по биологии, ветеринарии, стоматологии, эмбриологии, анатомии, физиологии, биоинженерингу и т. д. Проблема биомедицины лежит не только в поле медицины, но и в поле как антропологического, так и теологического дискурса. Современная православная церковь России тщательно отслеживает публикации по данной теме и ведёт перманентную дискуссию, особенно когда речь заходит о биоинженерии, клонировании и эмбриологии.

³ Eberhardt N. Imagining the Course of Life: Self-Transformation in a Shan Buddhist Community. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. 208 pp. // American Anthropologist. 2007. Vol. 109. No. 3, September.

⁴ Шан – народ, проживающий в горах Таиланда.

⁵ Chenoweth J. M. Identity, Material Culture and the Archeology of Religion. Quaker Practices Context // Journal of Social Archeology. 2009. № 9 (3). P. 319–340.

⁶ Это, с одной стороны, поиски изначальных основ религии как таковой, как свойства человеческого сознания, как диалог человека с миром. Примером подобных исследований может служить проект «Археология религии». Археология религии здесь предстаёт также в контексте изучения архаического сознания. Базовые основания данной концепции изложены в монографии Ю.Ю. Першина и В.И. Ахмадишиной «Архаическое сознание и религиозность человека. Очерки по археологии религии». Режим доступа: <http://sociokosmos.ru/>.

⁷ Chenoweth J. M. Identity, Material Culture and the Archeology of Religion. Quaker Practices Context // Journal of Social Archeology. 2009. № 9 (3). P. 319.

⁸ Avieli N. In Christmas We Don't Like Pork Just Like Maccabees. Festive Food and Religious Identity at the Protestant Christmas Picnic in Hoi An // Journal of Material Culture. 2009. Vol. 14 (2). P. 219–241.

⁹ Маккавеи – царская династия Хасмонеев. «Маккавеи» – имя, появившееся от прозвища Иуды Маккавея, переводимого на русский язык как «молот». Маккавейская династия Хасманеев пришла к власти в результате восстания иудеев против политики Селевкидов во 2 в. до н. э. Династия правила в Иудее с 152 по 37 гг. до н. э. Интерес в контексте нашего обзора представляет также и тот факт, что, соблюдая все иудейские законы и ритуалы, Маккавеи вели эллинистический образ жизни.

¹⁰ Город во Вьетнаме на побережье Тихого океана.

¹¹ Avieli N. In Christmas We Don't Like Pork Just Like Maccabees. Festive Food and Religious Identity at the Protestant Christmas Picnic in Hoi An // Journal of Material Culture. 2009. Vol. 14 (2). P. 220.

¹² Ibid. P. 223.

¹³ Ibid. P. 230.

¹⁴ В сборнике «Неоязычество на просторах Евразии» под редакцией В.А. Шнилермана показана структура неоязычества через выделение трёх основных групп: небольших сельских общин, городской интеллектуальной элиты, тех, для кого это и мифология, и идеология, и наука. При этом к собственно неоязычеству можно отнести лишь первую категорию, ибо прослеживается непрерывная связь с традицией, а остальные направления скорее относятся к НРД, к квазирелигиозным верованиям. См. подробнее «Неоязычество на просторах Евразии» / Под ред. В.А. Шнилермана. М., 2009. Режим доступа: <http://fictionbook.ru/static/trials/09/18/60/09186018.html>.

¹⁵ Rountree K. Localizing Neo-Paganism: integrating global and indigenous traditions in a Mediterranean Catholic society // Journal of the Royal Anthropological Institute (N.S.). 2011. № 17. P. 846–872.

¹⁶ Ibid. P. 868.

¹⁷ Ibid. P. 867.

¹⁸ Lim C., Macgregor C.A., Putnam R.D. Secular and liminal: discovering heterogeneity among religious ones // Journal for the Scientific Study of Religion. 2010. № 49 (4). С. 596–618.

¹⁹ Церковь и мир (Астрахань). Биомедицина и православие. Передача от 18 ноября 2012. Режим доступа: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/tserkov-i-mir-astrahan/biomeditsina-i-pravoslavie>.

²⁰ Фромм Э. Психоанализ и Дзен-буддизм // Дзен-буддизм и психоанализ. М., 1995.

²¹ Юнг К.Г. Предисловие к книге Судзуки Д.Т. Основы Дзен-буддизма. Бишкек, 1993. С. 5–18.

²² Амоголонова Д.Д. Банальная религиозность и религиозная вера в этнонациональной идентичности современных бурят // Studia Culturae. 2013. № 18.

²³ Жукова Л.Г. «Любимцы Бога»: к вопросу о самоидентификации русских иудействующих (субботников) // Вестник РГГУ, 15/09. Серия Культурология, искусствоведение, музеология. М., 2009. С. 160–170.

²⁴ Религии в XXI веке: архаика и современность / Под общ. ред. А.А. Белика. М., 2012.

References

1. Appleton Ann L. Acts of Integration, Expressions of Faith: Madness, Death and Ritual in Melanau Ontology. Monograph Series no. 9. Phillips: Borneo Research Council, 2006. 361 pp. American Anthropologist, vol. 109, no. 3, September.
2. Eberhardt Nancy. Imagining the Course of Life: Self-Transformation in a Shan Buddhist Community. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2006. 208 pp. American Anthropologist, vol. 109, no. 3, September.
3. Chenoweth John M. Identity, Material Culture and the Archeology of Religion. Quaker Practices Context. Journal of Social Archeology, 2009, no. 9(3), pp. 319–340.
4. Chenoweth John M. Identity, Material Culture and the Archeology of Religion. Quaker Practices Context. Journal of Social Archeology, 2009, no. 9(3), p. 319.
5. Pershin Yu.Yu., Akhmadishina V.I. *Arkhaicheskoe soznanie i religioznost' cheloveka. Oчерки po arkheologii religii* [Archaic Consciousness and Religiosity of a Man. Outlines on the Archeology of Religion]. Available at: <http://sociokosmos.ru/> (accessed 11.02.2016).
6. Avieli Nir. In Christmas We Don't Like Pork Just Like Maccabees. Festive Food and Religious Identity at the Protestant Christmas Picnic in Hoi An. Journal of Material Culture, 2009, vol. 14(2), pp. 219–241.
7. Avieli Nir. In Christmas We Don't Like Pork Just Like Maccabees. Festive Food and Religious Identity at the Protestant Christmas Picnic in Hoi An. Journal of Material Culture, 2009, vol. 14(2), pp. 220.
8. Avieli Nir. In Christmas We Don't Like Pork Just Like Maccabees. Festive Food and Religious Identity at the Protestant Christmas Picnic in Hoi An. Journal of Material Culture, 2009, vol. 14(2), p. 223.
9. Avieli Nir. In Christmas We Don't Like Pork Just Like Maccabees. Festive Food and Religious Identity at the Protestant Christmas Picnic in Hoi An. Journal of Material Culture, 2009, vol. 14(2), p. 230.

10. *Neoyazychestvo na prostorakh Evrazii* [Neopaganism in Eurasia]. Moscow, BBI, 2009. Available at: <http://esxatos.com/neoyazychestvo-prostorah-evrazii> (accessed 11.02.2016).
11. Rountree Kathryn. Localizing Neo-Paganism: integrating global and indigenous traditions in a Mediterranean Catholic society. *Journal of the Royal Anthropological Institute* (N.S.), 2011, 17:846-872.
12. Rountree Kathryn. Localizing Neo-Paganism: integrating global and indigenous traditions in a Mediterranean Catholic society. *Journal of the Royal Anthropological Institute* (N.S.), 2011, 17:868.
13. Rountree Kathryn. Localizing Neo-Paganism: integrating global and indigenous traditions in a Mediterranean Catholic society. *Journal of the Royal Anthropological Institute* (N.S.), 2011, 17:867.
14. Lim C., Macgregor C.A., Putnam R.D. Secular and liminal: discovering heterogeneity among religious nones. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2010, 49(4):596–618.
15. *Tserkov' i mir (Astrakhan'). Biomeditsina i pravoslavie. Peredacha ot 18 noyabrya 2012* [Church and World (Astrakhan). Biomedicine and Orthodoxy. Broadcast on November 12, 2012]. Available at: <http://tv-soyuz.ru/peredachi/tserkov-i-mir-astraham/biomeditsina-i-pravoslavie> (accessed 11.02.2016).
16. Fromm E. *Zen Buddhism and Psychoanalysis*. 1960 (Russ. ed.: Fromm E. *Dzen-buddizm i psikhoanaliz*. Moscow, Medium, 1995, pp. 5–84).
17. Jung C.G. *Predislovie k knige Sudzuki D.T. Osnovy Dzen-buddizma* [Foreword to Foundations of Zen Buddhism by D.T. Shuzuki]. Bishkek, MP Odissey, 1993, pp. 5–18.
18. Amogolonova D.D. *Studia Culturae*, 2013, no. 18, pp. 145–158.
19. Zhukova L.G. *Vestnik RGGU. Seriya Kul'turologiya, iskusstvovedenie, muzeologiya* [Bulletin of Russian State University for the Humanities. Series Culturology, History of Art and Museum Studies]. Moscow, September 15, 2009, pp. 160–170.
20. *Religii v XXI veke: arkhaika i sovremennost'* [Religions in the 21st Century: Ancient and Modern Times]. Ed. by A.A. Belik. Moscow, Kaligraf, 2012, 400 p.